

— Да, ему было всего пятнадцать, и он связался с нашим водителем. Я случайно застал их, и мне стало противно, особенно когда я увидел, как он добровольно позволяет мужчине прижать себя к кровати, с блаженным выражением лица. Меня это просто выворачивало. Я ничего не сказал тогда, а когда он ушёл, я зашёл в эту развратную и омерзительную комнату. Водитель, увидев меня, испугался.

Чжо Ицзюнь говорил с лёгкой усмешкой, его глаза были мрачными и глубокими.

— Он умолял меня отпустить их, не рассказывать родителям. Как будто это возможно! Я просто взял телефон, на котором ничего не было, и напугал его. Он падал на колени, извинялся — это было так забавно.

Сюй Хуае с беспокойством смотрел на Чжо Ицзюня. Выражение лица, с которым тот насмеялся над водителем, было поистине зловещим.

— Я был молод тогда, и, видя его таким, отпустил. Но кто бы мог подумать, что желание — это потоп, который может смыть всё. Они снова стали встречаться тайком. Я не хотел, чтобы Ифань стал таким, и использовал самый жестокий способ, чтобы разоблачить их. Я вернул родителей и застал их в постели. Ифань был в ужасе, его лицо стало мертвенно-бледным. Водителя выгнали, но мне этого было мало. Мой брат, такой светлый юноша, из-за этого подонка стал замкнутым, перестал есть и пить, заперся в своей комнате. Я нашёл водителя и заставил его записать видео с чеком, где он говорил, что уходит по собственной воле.

— Ифань, наверное, был очень расстроен?

Чжо Ицзюнь посмотрел на Сюй Хуае и неестественно усмехнулся.

— Ты думаешь, я был подлым?

— Нет, ты просто защищал его.

— Да, я тогда так и думал. Ифань был в отчаянии, я боялся, что он может покончить с собой. Я не спал ночами, был рядом с ним. В конце концов, я не выдержал и попросил родителей отправить нас в Америку. Надеялся, что вдали от всего он сможет поправиться.

— Я не знал, что у вас была такая история.

— Ецзы, ты с детства был не таким, как мы. У тебя был отец-военный, а мы только дурачились. Ты уже тогда был в армии. Мы все тебе завидовали. Но на самом деле эта жизнь, которая кажется такой роскошной со стороны, не стоит того. Особенно после того, как Ифань уехал в Америку, он больше не скрывал своей ориентации. Как капля, слившаяся с океаном, он нашёл принятие и освобождение. А я в то время страдал каждый день.

Чжо Ицзюнь раздавил окурок и достал ещё одну сигарету. Сюй Хуае не стал его останавливать. Брови Чжо Ицзюня были сведены, лицо мрачное. Он знал, что сейчас ему нужен только хороший слушатель.

— По ночам я не мог спать. Боялся, что с Ифанем что-то случится или он снова свяжется с кем-то. Я дежурил у ночных клубов, тайком следил за ним. Пока однажды он перестал выходить, стал тихо сидеть дома. Я обрадовался, подумал, что он поправился, понял, что его ориентация неправильная и решил исправиться. Ифань действительно стал вести себя нормальнее, соблюдал режим дня, лежал на солнце, смотрел со мной фильмы, играл в игры.

Чжо Ицзюнь вздохнул.

— Пока однажды ночью я не встал в туалет и не увидел Ифаня, стоящего на балконе голым, с открытым окном и развевающимися белыми шторами. Я испугался, застыл, глядя, как он шаг за шагом движется вперёд. Мы жили на восемнадцатом этаже, и если бы он прыгнул, то точно бы погиб. Я в безумии стащил его вниз, ударил его по лицу, пока он не потерял сознание. Мне было так больно... Мой брат хотел покончить с собой. Я плакал всю ночь. На следующий день он снова был спокоен, только больше не разговаривал со мной, не шумел, не спорил. Такой Чжо Ифань был страшен. Частный детектив, которого я нанял следить за ним, сказал мне, что Ифань знал, что я за ним слежу, и тогда он выглядел подавленным. Я подсчитал время — это было как раз перед тем, как он стал вести себя нормально.

— То есть Ифань стал сдерживаться, потому что боялся, что ты будешь переживать?

— Да, Ифань — мой брат-близнец. Ты знаешь, что такое телепатия? С того момента, как он вернулся, моё сердце...

Чжо Ицзюнь сильно ударил себя в грудь.

— ...здесь, не было ни одного дня покоя. Я тогда ошалел. Если бы я не встал в тот момент, я бы стал убийцей своего брата! С тех пор я понял: пусть он любит кого хочет, лишь бы жил. Но, Ецзы, я был слишком наивен.

Чжо Ицзюнь усмехнулся. Его лицо, такое же, как у Чжо Ифаня, но с лёгкой дьявольской ухмылкой, смотрело на Сюй Хуае с насмешкой.

— Мои мысли были такими же, как твои, наивными и самоуверенными.

Сюй Хуае похлопал его по плечу, улыбаясь.

— Ты рассказал мне, и я понял, что ты уже в пятнадцать лет осознал эту истину.

Чжо Ицзюнь опустил голову.

— Этот мир не для тебя, ты не поймёшь. У них нет надежды, они сталкиваются с дискриминацией, даже в Америке, где гомофобия повсюду. Ифань привлекал внимание, и многие узнавали о нём. Когда мы шли на занятия, нас не раз провоцировали, несколько раз в неделю мы возвращались домой с синяками. Ифань выглядел спокойным, но внутри был упрямым, и, несмотря на мои уговоры, он продолжал ходить на занятия, терпя насмешки. Его стойкость вызывала у меня уважение. Так как мы были похожи, его парни часто путали меня с ним, что меня раздражало. Когда я думал о том, чтобы переехать в другой город, Ифаня похитили.

Сюй Хуае вздрогнул и быстро спросил:

— Почему ты не рассказал мне об этом тогда?

— Мне было стыдно. Иметь брата-гомосексуала было унижительно. Я был в ужасе, готовился к худшему, когда частный детектив сказал мне, где находится Ифань. Его похитили студенты, которые выступали против гомосексуалов. Когда я пришёл туда и увидел Ифаня с завязанными глазами, запёртого в клетке, моё сердце готово было разорваться.

Сюй Хуае крепко сжал его плечо. Он мог представить, что чувствовал Чжо Ицзюнь тогда. Даже

просто слушая его рассказ, он чувствовал, как его сердце сжимается, и ему хотелось оказаться там, чтобы избить всех, кто причинил боль Ифаню.

— Я тогда поклялся, что даже если Ифань останется в этом кругу навсегда, я буду защищать его всю жизнь. Я разобрался с каждым из тех студентов, кто участвовал в похищении. Ифань долго страдал, не выходил из дома. Я постепенно начал понимать, как тяжело жить с этим словом «гомосексуал» в этом мире. Они должны иметь невероятно сильный внутренний стержень, чтобы противостоять всему, не боясь насмешек и поражений. Некоторые не могут с этим справиться, подчиняются давлению семьи и общества и начинают скрывать себя. Мой брат из-за меня превратился из первого во второго.

Чжо Ицзюнь серьёзно посмотрел на Сюй Хуае и твёрдо сказал:

— Ецзы, даже первый тип не всегда счастлив. В их мире нет обещаний, нет брака, многие хотят найти одну любовь на всю жизнь, но в итоге остаются одинокими. Поэтому они становятся распутными, опустошёнными. Тех, кто получает благословение, очень мало. Я не могу позволить своему брату стать таким. Независимо от того, кого он любит, мужчин или женщин, я буду убирать все препятствия на его пути. Я больше не хочу видеть Чжо Ифаня, стоящего у окна, готового покончить с собой.

— Ты хороший брат.

Сюй Хуае обнял его. В его сердце всегда был этот дерзкий и высокомерный Чжо Ицзюнь, но теперь он увидел его с другой стороны.

— Ецзы, я умоляю тебя, заведи Се Инаня у Ифаня. Он ему не подходит. Ифань только что вышел из трудной ситуации, а с ним он снова окажется в сложном положении. Се Инань слишком упрям, слишком зависит от мнения окружающих, он может жить только в тени. Мой брат — как солнце, они совершенно не подходят друг другу. Если ты не сможешь этого сделать, я уничтожу его своим способом!

— Ицзюнь, успокойся. Я понял тебя, я не отступлю, даже если это будет Ифань.

— Ааа!

Бай Вэй внезапно вскрикнул, и оба мужчины бросились в спальню. Бай Вэй тёр лицо, бормоча проклятия. Сюй Хуае не смог сдержать смеха.

— Вэйцзы, ты первый, кто упал с кровати лицом вниз!

Бай Вэй бросил на него недовольный взгляд и дрожал, обхватив себя руками.

— Почему так холодно?

Примечание автора: Эта глава раскрывает глубокую травму Чжо Ицзюня и его сложные отношения с братом. История показывает, как защита может превратиться в контроль, а любовь — в одержимость. Чжо Ицзюнь, пытаясь спасти брата от боли внешнего мира, сам стал источником его страданий, что является центральным конфликтом его персонажа.